

дарств (Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, СССР) научила белорусов отдавать предпочтение прежде всего общесоциальным ценностям.

А. В. Скорняков

Нижний Тагил

РОССИЯ И ЗАПАД: ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Проблема диалога русской и западной культур — проблема довольно старая, но сегодня она становится актуальной более чем когда-либо. Катастрофические, по нашему мнению, изменения, охватившие российское общество во второй половине 80-х — 90-е гг., во многом стали следствием кризиса ценностных ориентиров. Системный кризис социума всегда имеет своей основой кризис сознания, влекущий за собой разрушение политической, экономической, образовательной и прочих систем. И вполне возможно, что глубокое проникновение в альтернативную систему культурных ценностей поможет обществу осознать духовную основу своего собственного существования.

Прежде всего необходимо сказать, что сама постановка проблемы заставляет нас отказаться от примитивных изоляционистских клише, требующих от России замкнуться на самой себе, отгородиться от Запада новым железным занавесом. Но, с другой стороны, эта же постановка проблемы подводит нас к целому ряду вопросов, на которые сложно найти ответ.

Хочется сразу оговориться, что, рассуждая о культуре, мы склонны опираться на веберовское понимание этого термина: «Понятие культуры — ценностное понятие. Эмпирическая реальность есть для нас «культура» потому, что мы соотносим ее с ценностными идеями...»¹²⁸ Это означает, что в соотношении «национальное самосознание — эмпирическая реальность» мы акцентируем на первой составляющей. Еще это означает, что мы вслед за З. Фрейдом склонны «пренебречь различием между культурой и цивилизацией»¹²⁹. Имен-

---

¹²⁸ Вебер М. Из избранных произведений // Современная философия: Словарь и хрестом. Ростов н/Д., 1995. С. 383

¹²⁹ Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М., 1989. С. 97.

но культура является фундаментом цивилизационного типа. Все прочие аспекты, например кровь, вторичны. Как справедливо писал К. Н. Леонтьев: «Что такое племя без системы своих религиозных и государственных идей? За что его любить? За кровь? Но кровь... ни у кого не чиста... Любить племя за племя — натяжка и ложь. Другое дело, если племя родственное хоть в чем-нибудь согласно с нашими особыми идеями...»¹³⁰ Исходя из этого, несмотря на различия, существующие между американской, французской, немецкой и другими западными культурами, все их можно объединить общим понятием — Запад. «Скажите: европеизм, и, несмотря на всю сложность западноевропейской истории, есть некоторые черты, общие всем эпохам, всем государствам Запада, — черты, которых совокупность может послужить для исторической классификации, для определения, чем именно романо-германская культура... отличается... от японо-китайской, от исламизма, древнегипетской, персидской, эллинской, римской и византийской»¹³¹.

Первая проблема, возникающая в этой связи: является ли Россия частью западного цивилизационного типа? В последние годы стало модным давать на этот вопрос однозначно положительный ответ. Д. С. Лихачев, например, писал по этому поводу: «Россия — несомненная Европа... Россия — по своей культуре отличается от стран Запада не больше, чем все они различаются между собой: Англия от Франции или Голландия от Швейцарии»¹³². Рамки работы не позволяют нам развернуть систему контраргументов. Необходимо, однако, заметить, что если бы Россия являлась органической частью западной цивилизации, то ни в русской, ни в западной мысли никогда не появилась бы идея о разработке философских оснований социокультурной толерантности. Нельзя быть толерантным по отношению к самому себе. Нельзя вести диалог с самим собой. Точнее, можно, но медицина это диагностирует как симптом раздвоения сознания — шизофрении.

---

¹³⁰ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Избранное. М., 1993. С. 41.

¹³¹ Там же. С. 42.

¹³² Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Новый мир. 1993. № 2. С. 8.

Россия не является Европой по своим историческим корням. Она, например, никогда не принадлежала к империи Карла Великого, которая, по точному выражению Н. Я. Данилевского, составляла «общий ствол, через разделение которого образовалось все многоветвистое европейское древо, не входила в состав той теократической федерации, которая заменила Карлову монархию...»¹³³. Далее: «Россия также не участвовала в борьбе с феодальным засильем, которое привело к обеспечению той формы гражданской свободы, которую выработала эта борьба...»¹³⁴

Взгляд на культуру как ценностное понятие подразумевает для западных (преимущественно американских) специалистов идеи и ценности, основанные на символах, «абстрагированных от поведения и результатов поведения»¹³⁵. Развитие культуры на Западе связывают с развитием индивида как творца культурных ценностей. Для большей части отечественных специалистов понятие культуры неразрывно связано с обществом как цельным организмом. Если же мы обратимся к какой-либо конкретной сфере культуры, например к философии, то увидим, что огромное число историков философии отмечало тот немаловажный факт, что западная и русская мысль развивались здесь по разным векторам. В то время как на Западе (по крайней мере, последние три века) в центре философского поиска стояли гносеологические проблемы, русские мыслители всегда тяготели к онтологизму.

Необходимо, однако, признать, что в России существовали и существуют целые социальные группы, которые тяготеют к Западу и западной культуре. Эта склонность к подражательству (в данном случае мы не вкладываем в термин ничего негативного) является одной из отличительных черт русского сознания. Более того, мы рискуем утверждать, что все революционные сдвиги в культурных пластах русской цивилизации (988 г., петровские преобразования, 1917 г., реформы 80—90-х гг. XX в.) в той или иной степени связаны с заимствованиями. Во многом это связано с наличием в русском созна-

---

¹³³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 59—60.

¹³⁴ Там же. С. 60.

¹³⁵ Лаптева Е. В. Западный и отечественный подход к изучению истории культуры: общее и особенное // Человек в истории: теория, методология, практика. Челябинск, 1998. С. 95.

нии определенного комплекса неполноценности, о котором хорошо писал Н. С. Трубецкой: «Большинство образованных русских совершенно не желали быть «самими собой», а хотели быть «настоящими европейцами», и за то, что Россия, несмотря на все свои желания, все-таки никак не смогла стать настоящим европейским государством, многие из нас презирали свою «отсталую» родину»¹³⁶. Наличие данного комплекса всегда неразрывно связано с идеализацией «мира во вне». И вот уже у В. Гурвича мы читаем: «Русское православие... противилось любым социальным новациям и... отстаивало наиболее косные, архаичные, а зачастую и откровенно реакционные формы... В Западной Европе католические и протестантские конфессии всегда были в значительной степени независимы от светской власти»¹³⁷. Хотя любой человек, знакомый с историей христианства и способный вспомнить Аугсбургское вероисповедание («чья власть, того и вера») и реформы Генриха VIII Английского, может спокойно опровергнуть этот тезис. Вопрос же о том, чем папоцезаризм лучше цезарепапизма, тоже нуждается в обсуждении.

Склонность к подражательству во многом также связана с отсутствием в русском сознании *чувства истории*. В средние века это подразумевало замороженность в эсхатологических ожиданиях, а в Новое время — отказ признать за культурно-историческими типами пространственно-временную цельность и уникальность. Все это множилось на слаборазвитость критического и, в целом, рационалистического начала. Не случайно Г. Флоровский писал о «шестидесятниках» XIX в.: «Отрицали и отвергали... не только вот это данное и отжившее прошлое, но именно *всякое* «прошлое» вообще. Иначе сказать, — тогда *отвергали историю*... Русский «нигилизм» был в те годы, прежде всего, самым яростным приступом антиисторического утопизма... Всего менее то была «трезвая» эпоха. То было именно не-трезвое время, время увлечений, время припадочное и одержимое. И за «критическим» образом внешних действий скрывались свои не-крити-

---

¹³⁶ Трубецкой Н. С. Из работы «Об истинном и ложном национализме» // Современная философия: Словарь и хрестом. Ростов н/Д., 1995. С. 406–407.

¹³⁷ Гурвич В. Национальная идея и личность // Новый мир. 1993. № 5. С. 206.

ческие предпосылки... И это был... шаг назад к авторитетам XVIII века. Есть нарочитый архаизм в стиле «шестидесятых»... Коренное не-приятие истории неизбежно оборачивалось... отрицанием *культуры* вообще, — ибо, нет и не может быть культуры иначе, как в истории, в элементе «историческо-го», т. е. в непрерывности традиций»¹³⁸.

Все сказанное можно отнести и к нашему времени. Но современная ситуация осложняет диалог культур еще и многим другим. В первую очередь — поражением России в «холодной войне». (Интересно, что З. Бжезинский объясняет победу США в III Мировой во многом экспансией американской культуры¹³⁹.) Даже если допустить ту мысль, что русская и западная культуры чрезвычайно близки друг другу, не надо забывать о такой вещи, как цикличность эволюции: «Эволюция европейской культуры отмечена циклами... Повышительной фазе сопутствуют универсалистские ожидания... Морфология разнокачественного мира связывается с пережитками прошлого... Напротив, в понижительной фазе активизируется сознание драматической неоднородности мира... Тема всеобщего прогресса сменяется темой судьбы — неодинаковой у всех и при этом ненадежной... Мир раскалывается на победителей и неудачников...»¹⁴⁰ Побежденному сложно вести диалог с триумфатором. Побежденный склонен либо подчиняться воле победителя, либо строить планы реванша. К этому его вынуждает жизнь.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что полноценный диалог России и Запада возможен только при наличии таких двух условий, как:

- четкое осознание *различий* цивилизационных типов; четкое понимание того, *кто* и *с кем* ведет диалог;
- признание того, что данные различия «есть хорошо», ибо в глобальном масштабе многообразие всегда предпочтительнее унификации.

---

¹³⁸ Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 285.

¹³⁹ См: Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 36.

¹⁴⁰ Панарин А. С. Философия политики. М., 1995. С. 150–151.